

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

**ЗЕМНОЕ
И
ВЕЧНОЕ**

*Бинго
Любина роца*

ДВА РОМАНА

Москва
«Книга по Требованию»
2015

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б16

*На обороте форзаца —
работа фотохудожника Юрия Миронова*

Баженов Г. В.

Б16 **Земное и вечное. Бинго. Любина роца . Дваро-
мана.** — М.: Книга по Требованию, 2015. — 480 с.

ISBN 978-5-7117-0585-7

Верите ли вы, что вы вечны? Конечно, нет. (Конечно, да!) Верите ли, что будете жить после смерти? Конечно, нет. (Разумеется, да!) Верите ли в бессмертие души? Ну, нет! (Ой, все верят!)

Вот о чем думают, чем мучаются герои нового популярного романа Георгия Баженова «Бинго».

«Любина роца» — лучший роман из более чем тридцати книг Георгия Баженова, созданных писателем за долгую литературную карьеру.

Многие годы роман вынужденно пролежал в столе автора, затем наконец был напечатан и неоднократно с успехом переиздавался в России.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-7117-0585-7

© Баженов Г. В. 2010

© Оформление. Издательство
«Книга по Требованию» 2015

Б И Н Г О

«...ужас ближе к тайне
бытия, чем тоска, ужас духов-
нее, тоска же душевнее».

Н. А. Бердяев

роман

*Дочери
Майе Селиверстовой
(Баженовой)
посвящаю*

Часть первая

КТО — НЕКТО — НИКТО

Антон Иванович, внешне похожий на Георгия Баженова, автора этого романа, нажал на кнопку звонка.

Вошел заместитель Антона Ивановича Максим Владимирович.

— Слушай-ка, Максим, нельзя ли сделать так, чтобы... назывались мы не Департаментом... а, скажем, Академией?

— Надо посоветоваться с Еленой Михайловной.

— При чем тут Елена Михайловна?

— Ей же подписывать финансовые документы.

Она главбух.

— Ладно тебе — главбух!

— Да можно, можно, конечно, Антон Иванович.

Сейчас, сами знаете...

— Вот и договорились.

Через неделю на столе Антона Ивановича лежала папка с документами, из которых следовало, что отныне их Департамент преобразовывается в «Академию рецензирования». Приказом № 1 Антон Иванович назначил себя президентом Академии, Максима — вице-президентом, а Елену Михайловну — финансовым и исполнительным директором.

Кстати, штатных работников в Академии как раз три человека.

Странная штука — жизнь. Когда-то Антон Иванович заведовал крохотным отделом писем в небольшом столичном журнале. Потом была работа в другом журнале, третьем, в издательстве, в Доме печати, в газетном консорциуме, отделы назывались по-разному: отдел регистрации откликов, отдел по работе с общественностью, отдел стандартизации отзывов и бог его знает еще как...

В конце концов Антон Иванович открыл свое дело. Как только ни назывались его фирмы, последняя, например, так: «Департамент немедленного рецензирования». Заказы лились рекой. Многим предпринимателям, фирмам или компаниям хотелось иметь солидное заключение, набранное на гербовой бумаге, где бы черным по белому значилась наивысшая похвала от Департамента Антона Ивановича.

Антон Иванович помогал фирмам делать имидж, не только помогал, но и делал это вполне успешно. В таком случае отчего бы Департаменту не превратиться в Академию?

Так на свет появилась «Академия рецензирования», президентом которой, естественно, стал Антон Иванович Гудбай.

Антон Иванович любил работать дома, в собственной квартире. У него был большой кабинет, весь заставленный книгами; книги он не только читал и перечитывал, но обожал их, трогал, перекладывал, переставлял с места на место, одним словом — любил их беззаветно.

Надо сказать, что часто, когда он садился читать или писать, какая-то странная волна мечтаний-

фантазий как бы подхватывала его на свое крыло и уносила в немыслимые дали...

В тот, первый свой день президентства, он захватил с собой папку, которую передал ему Максим Владимирович, и уехал домой. Дома он устроился в кабинете за большим письменным столом и начал потихоньку набрасывать тезисы авторецензии, то есть решил обстоятельно проанализировать, как, каким образом и благодаря чему их Департамент смог подняться до высоты Академии рецензирования.

И вот только начал он испытывать творческий подъем, когда слова как бы сами собой полились из-под пера (а писал он всегда по-старинке, только ручкой), тут-то и подала голос собака наверху, из квартиры этажом выше. Всякий раз Антон Иванович забывал про нее, и всякий раз это было для него сюрпризной неожиданностью. Некоторые (даже многие) не любят собачьего лая, а когда собаки воют, тут людям бывает совсем невмоготу, но Антон Иванович научил себя абсолютно новому восприятию собачьего искусства.

Доберман наверху, по кличке Бинго, очень часто оставался в квартире один, но как раз одиночества не переносил совершенно. Стремительный, с резкими движениями, нервно-горячий, с огоньковой безуминкой в охро-золотистых глазах, он производил впечатление обожаемого, любимого дитя-первенца, неожиданно брошенного родителями на произвол судьбы.

Что делает дитя, брошенное на произвол судьбы? Конечно, плачет, кричит, заливается горячими слезами...

Но, с другой стороны, когда поет птица, мы совсем не знаем, горюет она или радуется; нам, конечно, кажется, что она радуется, а она просто подает голос, а что в этом голосе — радость или отчаяние, мы не знаем; просто нам нравятся звуки, которые издают птицы, и поэтому мы считаем, что они поют, что это их песни, а может — это их слезы? их зов к нам? их бездонное одиночество, взывающее к общению с ними?

«Ах, если бы собаки могли петь! — подумал как-то Антон Иванович. — Разве бы они раздражали нас своим воем и гавканьем?» И вот Антон Иванович научил себя этому искусству: воспринимать лай, вой и гавканье собак как некое сладостное пение птиц, ибо все дело в том, как мы настроены слышать и слушать окружающий нас мир.

Бедный и сказочный Бинго завыл... Он выл наверху, один в четырехкомнатной квартире, как красногрудый чечень в клетке или как цветисто-разнопёрый щегол в садке, выл сладострастно и упоённо; он выл о своем одиночестве и тоске, о своей брошенности и конченности мира, он выл, но выл как пел, и Антон Иванович испытывал настоящее наслаждение, близкое к упоению, ибо научил себя воспринимать горечь и отчаяние, одиночество и страх как самую глубокую, щемяще-искреннюю песню, которая невольно рвется из груди любого живого существа.

Сегодня Бинго выл, а это значит, что дома он был один... и песня его была жуткая, пронзительная и жалостливая, безмерная в своей отрешенности и силе.

Ведь, когда, например, в квартире наверху оставался еще юноша Митя, студент-первокурсник социально-астрономического колледжа (в Москве случаются такие заведения), то Бинго, по надоедливости своей, запирался Митей в одной из комнат, и тогда вой сменялся лаем, методично-густым, настырно-напористым и агрессивно-блистательным. Митя, вероятно, не обращал на лай никакого внимания, пусть лает, лишь бы не мешал в обычных житейских делах (то девочки, то музыка, то курсовые, а то еще что-то), зато наслаждался лаем собаки Антон Иванович.

Лай — это не песня чеченя или щегла; это скорей одиноко-звучные посвистыванья снегиря, резкие подсвиркиванья синицы или, наконец, дробные призывы кукушки: в лае своя сказочно-прерывистая, густая, глубинная и утробная музыка. Именно эту музыку научился слушать Антон Иванович. Он как бы с каждым новым гавканьем поднимался все выше и выше на облаках воспарённости, поднимался упругими, дерзкими толчками, всё дальше ввысь, в бездонные верха, так что когда, например, лай обрывисто прекращался, Антон Иванович словно кубарем катился вниз, из глубин поднебесья в житейскую трясицу.

А ведь кроме воя и лая Бинго владел многими другими песнями, например, потягиванием, повизгиванием (когда в дом возвращались хозяева) или скулением (просишь-просишь, а тебя не слышат), или иными песнями, которые будто и не песни уже, а так... подпевки или речитативные припевы.

Но вот в тот день, когда Антон Иванович стал президентом Академии, когда приехал домой, устроился в кабинете и начал горделиво анализировать на бумаге, каким образом он достиг вершин карьеры, в тот день Бинго именно завыл, а не загавкал; завыл, как всегда, пронзительно и страстно, но и как-то по-особому тревожно, горестно и призывно. Это был не вой, это был надрывный плач, и как всякий высокий и глубокий плач, он являлся сердечной, горестной, морозящей кожу песней, так что Антон Иванович отложил перо и надолго погрузился в глубины и высоты упоённого собачьего песенного горованья.

И что странно, только сегодня, став президентом Академии (может, это было чистое совпадение), Антон Иванович расслышал в песне Бинго что-то новое, неожиданное и потустороннее. Что-то такое, что мешало Антону Ивановиче вполне насладиться собачьим пением, его сложным и особым искусством.

Как бы наконец-то разом, в секунду, Антон Иванович почувствовал, что чужая песня, хоть горькая, хоть сладкая, это только для слушающих радость, а для поющего — это целый надрывный мир: ты воешь, и песней твоей наслаждаются, но у тебя-то сердце разрывается на части, оно разбухает от крови, сосуды напряженно и гулко пульсируют, густая кровь разжижается и бьет волна за волной в сердце так, что оно раздувается как огненный кровяной шар, который готов лопнуть... готов, но не лопаются, а только полнятся и полнятся болью, и от боли этой